

ТЕЙМУРАЗ ГВАНЦЕЛАДЗЕ

О пути заимствования греческой христианской лексики в абхазском языке

В настоящее время абхазский народ в религиозном плане делится на три основные группы: одна часть причисляет себя к православным христианам, другая — к мусульманам-суннитам, а остальные являются атеистами. Важно и то, что в религиозных обрядах верующих абхазов значительное место занимают также древние языческие верования.

В абхазском языке выделяется довольно значительная группа религиозных терминов, связанных с христианством. В эту лексическую группу входят термины различного происхождения: 1. собственно абхазские; 2. греческие; 3. собственно грузинские; 4. занские (мегрельские). В количественном отношении из названных подгрупп малочисленнее всех собственно абхазские термины, что вполне естественно, так как в течение долгого времени языком христианской церкви в Абхазии являлся грузинский в условиях отсутствия письменности на абхазском языке.

Термины греческого происхождения в абхазских диалектах также не отличаются многочисленностью, тогда как собственно грузинская и занская (мегрельская) христианская терминология сравнительно многочисленна и разнообразна.

Собирая наговоры, заговоры и заклинания, распространенные среди абхазов, основоположник абхазской литературы Д. И. Гулия писал: „Мне думается, что анализ встречающихся инородных слов чрезвычайно важен для определения тех исторических взаимоотношений, которые связывали абхазский народ со своими соседями, а также для выяснения того, из какой социальной среды иногда принимал он свои суеверия и обычаи. Мною замечено в наговорах и заговорах влияние мусульманское (арабское), древнегреческое и византийское, не говоря уже о грузинском” (Д. И. Гулия, *Сочинения*, т. V, Сухуми 1985, стр. 115). К сожалению, Д. И. Гулия не смог убедительно доказать древнегреческое или

византийское происхождение отдельных лексем. Анализ христианской лексики греческого происхождения, используемой в абхазском языке, показал, что эти лексеммы следует делить на две основные группы. Одну группу составляют те слова, которые встречаются лишь в первых абхазских религиозных книгах, изданных на рубеже XIX–XX вв. Комиссией восстановления христианства на Кавказе. Эти слова заимствованы в абхазском языке через посредство русского языка, но не внедрились в устной разговорной речи, оставаясь книжными. Таковы: *anafeta*, *aepiskop*, *atropar*, *arximandrit*, *aeparxia*, *amonastar* и т.д. То, что названные лексеммы в самом деле заимствованы посредством русского языка свидетельствует и их фонематическая структура, совпадающая с русскими формами. Например, в случае заимствования лексеммы *anafeta* непосредственно из греческого языка в ней должны были иметь не фонему *f*, а фонему *t*, точно совпадающую с греческой фонемой *θ* (ср. греч. „ἀναθημα”, с одной стороны, и русск. *анафема*, с другой). Таким образом, перечисленные слова являются совершенно новыми заимствованиями и посредниками служил русский язык.

Наряду с названной группой мы считаем вполне оправданным выделить и другую группу греческих христианских терминов, внедрившихся в абхазский язык посредством картвельских языков (преимущественно через мегрельскую речь). Следует отметить, что лексеммы этой группы более стары в отношении внедрения их в абхазский язык, нежели слова, относящиеся к первой группе. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что лексеммы второй группы общеизвестны, частоупотребительны не только в литературном абхазском языке, но и в диалектах. К этой группе мы относим следующие слова: *k̃ərsa* 1. „Христос”; 2. „Рождество”, *ak̃ərsian* „христианин”. *anapar(a)* „омфор”, *ak̃alanɬar* „свеча большого размера”, *(a)mkmgaria* „божество, покоровитель рогатого скота”, *asəmgaria* || *askamgaria* „ритуальное моление над буйволицей после отела” и др. Греческое происхождение перечисленных слов отнюдь не вызывает сомнения, однако их сравнение с греческими праформами, фонематическая структура и семантика показывают, что они не заимствованы в абхазском языке непосредственно из греческого языка. Все названные слова в абхазском явно внедрены посредством собственно грузинского языка или мегрельского диалекта занского языка.

Рассмотрим эти слова более подробно.

1. Для обозначения имени Христа в абхазском употребляются две формы: *xristós* и *k̃ərsa*, из которых в этом значении в литературном языке встречается лишь форма *xristos*, а форма *k̃ərsa* более характерна для устной речи. Помимо этого форма *k̃ərsa* как в абжуйском диалекте, так и в литературном языке обозначает и Рождество Христово (25 декабря). Та же самая основа выступает и в качестве одного из компонентов композита *k̃ərsamza* „декабрь, месяц рождения Христа” (см. *Словарь абхазского языка*, т. I, Сухуми 1986, стр. 355). Присутствие согласного *x* и гласных *i*, *o* в слове *xristos* указывает на то, что данная лексема не заимствована в далеком прошлом непосредственно из грече-

ского языка: во первых, как известно, в древнегреческом графема χ произносилась как придыхательный согласный k , а в византийском греческом — как спирант x (А. Урушадзе, *Греческий язык*, на груз. яз., Тбилиси 1969, стр. 325), во вторых, гласный i других языков в абхазском в древних заимствованиях не сохраняется и переходит либо в гласный ε , либо вызывает палатализацию предыдущего согласного или же полностью исчезает. Что же касается гласного o , то и этот звук в древних заимствованиях подвергался изменению в абхазском и между согласными t и s должен был заменяться гласным a . Таким образом, в случае непосредственного заимствования вместо формы *xristos* должны были иметь форму **krəst(as)*. Таким образом, форма *xristos* является новым заимствованием из русского языка и встречается лишь в литературном языке.

Что же касается формы *k̃ərsa*, то она является заимствованием из мегрельской речи, где и поныне существует исходный вариант *kirse* полученный в свою очередь от грузинской формы *kriste* (от древнегреческого исходного варианта $\chi\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\varsigma$). Фонетическое изменение груз. *kriste* → мегр. *kirse* закономерно, так как для мегрельского диалекта характерна тенденция к упрощению консонантных комплексов (ср. груз. *stumari* → мегр. *sumari* „гость”, груз. *agvis̃to* → мегр. *argiso* „август” и т.д.) (В. Шенгелия, *К адаптации заимствованной лексики в мегрельском*, на груз. яз., в сб. *Кутаисские дискуссии — III, Материалы симпозиума*, Кутаиси 1996, стр. 63). На мегрельское происхождение абхазской формы *k̃ərsa* указывает как место ударения, так и семантика слова: в мегрельском *kirse* имеет также два значения — „Христос” и „Рождество Христово, 25 декабря”, а абхазская форма *k̃ərsamza* „декабрь” является калькированной формой мегрельского же *kirse tuta* „месяц Рождества”.

2. Из мегрельского же заимствована в абхазском форма *a-k̃ərsián* „христианин” (ср. мегр. *kirsian-i*). Маловероятно заимствование абхазской формы от древнегреческого $\chi\rho\iota\sigma\tau\acute{i}\alpha\nu\acute{o}\varsigma$ хотя бы по той причине, что в абхазском не присутствует подударное окончание *-oç* и местонахождение ударения точно совпадает с местом ударения в мегрельском (об остальных причинах см. выше в пункте 1).

3. Проформой для абхазского слова *a-napar(a)* „омфор” является греческая $\acute{\alpha}\nu\alpha\phi\omicron\rho\alpha$, однако в случае непосредственного заимствования в абхазской форме должна была присутствовать фонема f , точно совпадающая по артикуляции с греческой фонемой ϕ . Вместо ожидаемого согласного f в абхазском имеется придыхательный согласный p , что и указывает на язык-посредник. Дело в том, что спиранта f нет ни в грузинском, ни в занском языках и в словах с этим спирантом согласный f других языков заменяется придыхательным смычным p (ср. офицер → груз. *opisec-i*, финансы → груз. *pinans-i*...). Таким образом, греч. $\acute{\alpha}\nu\alpha\phi\omicron\rho\alpha$ → груз. *anapora* -> абх. *anapar(a)*.

4. В обоих диалектах абхазского языка к активной лексике относится слово *a-k̃alañtar*, употребляемое с различными значениями: 1. Поминальная восковая свеча большого размера; 2. Шест с навешанными на нем кондитерскими изде-

лиями, ставящийся при поминках; 3. Высокий столб без сучьев (см. *Словарь абхазского языка*, т. I, Сухуми 1986, стр. 329). Там же встречается и упрощенный вариант *a-k̃an*. Слово употребляется и как эпитет для обозначения стройного, хорошо сложенного человека (*Словарь абх. яз.*, т. I, стр. 329).

Слово *a-k̃alan̄tar* в абхазском заимствовано из мегрельского диалекта занского языка, где в значении большой восковой свечи имеется лексема *kelan̄tar-i*, восходящая к грузинскому *kelap̄tar-i* „большая восковая свеча”. Это слово широко употребляется в грузинских текстах в том же значении, однако в сочинении Георгия Мтацминдели, написанном между 1042–1044 гг., слово *kelap̄tari* обозначает подставку для свечи. Изменение семантики этой лексемы было известно грузинскому лексикографу Сулхану-Саба Орбелиани (1658–1725 гг.), который отмечал: „*kelap̄tari* — подставка для свечи, а ныне ошибочно так называют большую свечу” (С.-С. Орбелиани, *Грузинский словарь*, на груз. яз., т. I, Тбилиси 1991, стр. 364). Акад. А. Г. Шанидзе с некой осторожностью указывал на греческую праформу *κηρολάμπτηρ* „подставка для свечи” (см. в книге: Георгий Мтацминдели, *Житие святых Иоанна и Евфимия*, на груз. яз., Тбилиси, 1946, словарь, стр. 107). По нашему мнению, грузинское *kelap̄tari* в самом деле восходит к греческой *κηρολάμπτηρ* ← *κήρος* ‘свеча’ Ъ *λάμπτηρ* ‘подставка для свечи’. В грузинском в результате выпадения безударного слога *ro* и согласного *m*, а также путем замены гласного *e* гласным *a* получена форма *kelap̄tari*, которая до поздних средних веков сохраняла исходную семантику, а впоследствии приняла новую семантику (‘свеча’ ← ‘подставка для свечи’). Мегрельский же вариант, по нашему мнению, получен от грузинской формы в результате упрощения нехарактерного для мегрельской речи комплекса *p̄t* более естественным для этого диалекта комплексом *n̄t* (комплекс „абруптив Ъ абруптив” заменился комплексом „сонант Ъ абруптив”). Именно мегрельская форма является источником для абхазской формы *a-k̃alan̄tar*, в которой гласный *e* закономерно вызывает палатизацию предыдущего согласного *k̃*, а сам заменяется гласным *a* (об аналогичных случаях при заимствовании см. К. В. Ломтатидзе, *Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонологическая система и фонетические процессы*, на груз. яз., Тбилиси 1976, стр. 47: груз. *ket̄i* → абхаз. *ak̃at̄* ‘дубинка’, груз. *sar̄ke* → абхаз. *asark̃a* ‘зеркало’, груз. *sarek̄eli* → абхаз. *asark̃al* ‘колокол’...). Если бы абхазская форма была бы заимствована непосредственно от греческого языка, то в этом случае в результате действия правил адаптации иноязычных слов в абхазском должна была бы иметь форму *ak̃agalamp̄tar*, а семантику — иную.

Что же касается второго и третьего значений слова *ak̃alan̄tar* („Шест с навешанными на нем кондитерскими изделиями на поминках” и „Высокий столб без сучьев”), они развиты под сильным влиянием языческих верований на собственно абхазской почве. Употребление же того же слова в качестве эпитета является калькированием мегрельских выражений, как то: *kelan̄tar caliz̄abi* „девушка похожая на свечу, т.е. стройная и чистоправная девица”.

5. К активной лексике относятся также слова *(a)tkatgaria* (в абжуйском диалекте и литературном языке) и *askatgaria* (в бзыбском диалекте). Первое из них обозначает божество, покровителя коров (*Словарь абхазского языка*, т. I, стр. 443), а второе, употребляемое лишь в бзыбском диалекте (*Словарь абх. яз.*, т. II, Сухуми 1987, стр. 124) и имеющее вариант *asətgaria*, обозначает моление, посвященное отелившейся буйволице, которое устраивали обычно на исходе недели после отела" (Х. С. Бгажба, *Бзыбский диалект абхазского языка. Исследование и тексты*. Тбилиси 1964, стр. 225).

Имя *(a)tkatgaria* не что иное, как мегрельская форма *mikangario* от имен Архангелов Михаила и Гавриила (ср. груз. *mike-gabriel* 'Михаил и Гаврил'). В абхазском на основе действия законов фонематической адаптации безударный гласный *i* начала слова усечен, а конечный гласный *o* закономерно заменен гласным *a*; ср. груз. *гето* → абхаз. *ag̃ata* 'вкус'... (К. В. Ломтатидзе, *Ист.-сравн. анализ абхаз. и абаз. яз.*, т. I, стр. 51).

Абхазские формы *(a)tkatgaria*, *askatgaria* и *asətgaria* абхазский ученый Х. С. Бгажба считает фонетическими разновидностями и отмечает, что все они заимствованы от мегрельского имени *mikatgario*, полученного в свою очередь от грузинского *mikel-gabriel* (Х. С. Бгажба, указ. соч., стр. 225). В самом же деле источниками этих форм являются три разные формы, имеющиеся в мегрельском: 1. Форма *(a)tkatgaria* восходит к мегрельской *mikatgario*, как уже отмечено выше; 2. Абхазское слово *a-sətgaria* ← мегр. *satgario*, которое в мегрельском обозначает одну из разновидностей *oxvateri*, т.е. молитвенных обрядов с жертвоприношениями, совершаемых в разное время года. В мегрельском в форме *sa-tgario* *sa* — является грузинским (а не мегрельским) префиксом назначения, т.е. в целом форма означает „то, что предназначено для Архангелов Михаила и Гавриила”; ср. в мегрельском же *sa-kirse γεჟი* „свинья, предназначенная для (закалывания в день) Рождества”. Подобные случаи оформления грузинскими аффиксами назначения мегрельских форм не редки, ср. например: *sa-γoront-o* (← мегр. *γoronti* 'бог'), *sa-ždeg-o* (← мегр. *ždege* 'св. Георгий'), *sa-қарип-o* (← *қарипia* — имя одной из языческих божеств) (И. Кипшидзе, *Грамматика мингрельского (иверского) языка* С.-Пб. 1914, стр. 402); 3. Абхазская форма *a-skatgaria* восходит к более ранней форме, чем мегр. *sa-tgario*. Это имя *sa-mikatgario*, являющееся исходной для мегрельского же варианта *sa-tgario*. Таким образом, выясняется, что бзыбский диалект заимствовал два варианта одного и того же мегрельского слова *sa-tgario* ← *sa-mikatgario*, которые после фонетических изменений и в результате семантического сдвига на абхазской почве (под сильным давлением языческих верований) увязались не с именами Архангелов, а с языческим божеством, покровительствовавшим буйволиц. То же самое произошло и в абжуйском диалекте абхазского языка, в котором мегрельское имя *tkatgario* „Архангелы Михаил и Гавриил” превратилось в языческое божество, охраняющее коров.

Таким образом, как фонематическая структура, так и семантические особенности анализируемого выше материала наглядно показывают, что христианская лексика греческого происхождения абхазским языком не заимствована непосредственно из греческого языка, а взята в основном из мегрельского диалекта занского языка. Точную хронологию заимствования установить невозможно, однако, по нашему мнению, имеется основание для того, чтобы утверждать следующее: масса абхазского населения во время существования на восточном берегу Черного моря греческих городов-колоний (Диоскурия — Севастополис, Питиунт, Гюэнос, Цыбилиум и др.) не имела тесных и непосредственных контактов с ними. Христианство среди абхазов распространялось посредством автохтонного причерноморского мегрельского населения, о существовании которого имеются многочисленные сведения в письменных источниках как дохристианского, так и послехристианского периодов (Геродот, Псевдо-Скилак Кариандский, Страбон, Плиний, Флавий Ариан, Евсевий Кесарийский, греческий аноним V века, Прокопий Кесарийский, Эвагр, Агафий, Феодосий Гангрский, армянская география VII века, Пиетро Геральди, Иоган Шилтбербер, Джованни да Лука, Арканджело Ламберти, Эвлия Челеби, Павел Алабский, Жан Шарден, патриарх Досифей и т.д.). Для приблизительной хронологизации проникновения христианства среди массы абхазов важно явное влияние „грузинской“ семантики на семантику мегрелизованных греческих слов: например, слово *kelaptari* в XI веке в грузинском языке еще употреблялось в исходном значении, а в XVIII веке С.-С. Орбелиани помнил старую семантику, а в абхазском та же лексема, в виде *aḱ~alanṭar*, была заимствована значительно позже, когда как в грузинском, так и в мегрельском произошел семантический сдвиг.